

Мы не извращенцы. Просто жизнь такая

Александр Виноградов и Владимир Дубосарский: Долгий бег художников впереди трамвая

«Дорогая, я еще в офисе...», 1996

ончание. Начало на 1-й странице

Дарья АКИМОВА

Все для народа

Володя: Недавно в какой-то ТВ-программе составлялся рейтинг (Заминочка.) популярных мужчин.

— Секс-символов, что ли?

В.: Вроде. И вдруг появляемся мы...

— И что тут такого ужасного? (Хохот.)

Саша: Нет, нас там не было. Просто показали кусочки наших картин вместо иллюстраций: портреты Шварценеггера, Ельцина, Лебеда... Правда, там не было указано, что мы — авторы, потому можно вполне серьезно таскаться по судам со своими авторскими правами.

Или еще. В 95-м была у нас выставка в Германии, написали мы картину «Счастливый день»: Гельмут Коль и весенняя Германия. Картину купили, а журнал «Шпигель» заказал еще одну, на ту же тему. Написали. Там был Коль, мы вдвоем — в виде бюргеров... В итоге журнал опубликовал только ее фрагмент (лицо Коля в траурной ленточке). Так что мы вполне можем поиграть в сутяжников, понудеть: вот, нам заказали, мы сделали с любовью к канцлеру, нас извратили, мы подаем в суд, хотим возместить моральный ущерб... Но все-таки это сомнительное немножко занятие.

— А к нашим родным политикам не тянуло?

С.: Тянуло.

В.: Несколько лет назад мы решили написать цикл на тему советской шизоидности. В качестве героя захотелось использовать кого-то из политиков. И обратились мы к Жириновскому.

— И что, его слово «шизоидность» не ужаснуло?

С.: Нет, «шизоидность» — понятие неподходящее. Скорее, мы просто воплотили бы мечты индивидуума. Написали бы небольшие сюжеты из его снов. А ярче «сюжетов», чем у Жириновского, просто нет.

В.: Чего стоят хотя бы его сапоги в Индийском океане — это же на полотне просится! Жириновский — артист высшей пробы, свой собственный имиджмейкер, он прекрасно умеет собой играть! Жириновскому идея понравилась, но тут нам отказали — даже не он сам, а помощники. Видно, надо было кому-то заплатить, но мы этого не умеем.

— Почему вы хотите выставляться в ЦДХ?

С.: Хотим сделать что-то большое и скандальное! Хотя бы потому, что в маленькие галереи ходит одна и та же публика, все все видели, все говорят одно и то же. Уже неинтересно.

В.: Все прекрасно знают, что в ЦДХ нет никакой выставочной политики. Платишь аренду — и вперед. Но зато это публичное место, туда ходят люди, много людей, самых разных. Если уж мы делаем искусство для народа — то и посмотрим, как ему на народе-то.

Суровые будни

— Как у вас с «извращенной бедностью духа» — так, как-то, про вас однажды написали?

С.: Это не мы такие извращенные — это жизнь, которую пишем. Да, утрированно, гротескно, но все-таки жизнь. С нашим сознанием это ну никак не связано.

— Вам не кажется, что Россия слишком уж забитая жизнью старая женщина, чтобы ее эротикой дразнить?

В.: Ну почему — «старая»? Вон какие девочки на Тверской стоят.

С.: Художник должен шокировать публику. Все время чуть-чуть бежать впереди трамвая, только так, чтобы его из «трамвая» заметили и при этом — не раздавили. Если уж мы сидим по уши в насилии, то и художник не может его игнорировать. Только сделать это насилие надо отличным от газетного. То есть взять на градус выше.

В.: У нас к художникам до сих пор относятся с каким-то пиететом. Мы как бы по-прежнему общаемся с духами...

С.: С Богом, вообще-то...

В.: И с Богом тоже. Вот в какой-нибудь Голландии художник — это такое социально неудовлетворенное существо типа преступника или наркомана, которое разок в год поднатужится и устроит «перформанс». У нас — почти что гуру. И официальный статус имеется. Я, кстати, очень радуюсь тому, что я член Союза художников.

— И какая польза от твоей радости?

С.: Польза — в документации! Знаешь, как хорошо иметь «корочку»? Иду я, допустим, ночью по улице пьяным и горланю песню. При тормаживает

рядом мент. Ты чего, спрашивает, кричишь. Отвечаю: а я художник, иду с вернисажа. А есть у тебя документ, что ты художник? Есть, говорю. Смотрите.

В.: Как-то раз мы приятели пошли из отделения вызволять. Долго расписывали свою бурную художественную жизнь. Дежурный слушал-слушал нас, а потом крикнул: «Эй, тут за художником пришли, выпускайте!»

Но ты только не путай: мы жи-

Владимир Дубосарский и Александр Виноградов

Досье «ВМ»

Александр Виноградов родился 30 декабря 1963 года. **Владимир Дубосарский** — 8 января 1964-го. Образование у обоих — Московское художественное училище памяти 1905 года, Художественный институт имени Сурикова. Члены Московского отделения Союза художников. С 1994 года начали работать совместно. Авторы выставочных проектов в берлинской галерее «KAI HILGEMANN», галереях Вены и Нюрнберга, московских «Галерее L», «Файн арт», Марата Гельмана, Малом Манеже.

вописью как таковой не занимаемся. Мы занимаемся современным искусством.

— Понятно-понятно.

Бремя славы

— Как и когда вы «спелись»?

С.: Познакомились, когда нам было пятнадцать. В песочнице практически... То есть на качелях перед училищем 1905 года.

— Вы довольно взрослые люди, седины вот практически...

В.: Еще чего!

— ...не устали от художеств?

С.: (Пауза, потом вроде бы серьезно.) Есть такое ощущение. «Вышел в тираж» — это не то немножко, но в общем... Жизнь идет по проложенной колее...

В.: Конечно, невозможно одно за другим выдавать открытия. Если художник за свою жизнь сделал один шедевр — уже классно. Матисс, допустим, в свои пятьдесят писал очень хорошие работы, которые сейчас высоко ценятся... Но откровением это уже не было! К тому моменту существовали абстракция, Малевич с «...квадратом», перформанс: кто-то прыгал из окна и разбивался насмерть — и это тоже называлось искусством. А Матиссу не нужно было пускать себе кровь — он и так был Матиссом.

— Обобществление идей «процесс» не тормозит?

В.: Одна голова хорошо, а две — лучше. Наша работа — это как кинематограф. Да, творчество. Но это и бизнес тоже. Факсы, баксы и мастерские...

— С деньгами у вас как?

В.: (Воодушевляясь.) Хороший вопрос. Поначалу было плохо — мы же не работаем нигде. Сейчас более-менее нормально. Стоимость картин не только от нас зависит — арт-бизнесом занимаются галереи. Да и попробуй заломить цену — реакция будет: рябятя, вы чего это водкой по коньячным ценам торгуете?

Картина, допустим, продается за две тысячи долларов. Ее купили. Следующая — две с половиной. Потом — три, пять. Однажды продали за восемь тысяч. Понятно, вся Москва тут же

об этом узнала, хотя мы, естественно, никому ничего не говорили... Так, стоп, чего-то мы все про деньги и про деньги — ты уж там их местами повычеркивай, ладно?

— Вы такие крутые и сексапильные... Женщины на вас вешаются?

С.: Да, кстати, тебя наша крутая амуниция не смущает? (Джинсы у обоих очень художественно продублены маслом. — Д.А.) Нет?

— Так как же?

С.: Никак.

В.: Да ну тебя, потом еще насочиняешь чего-нибудь...

— Обязательно.

С.: Ну и ладно. Жену люблю свою. И все. Собственно, я никогда не отличался большими успехами у женщин. Если я его, успеха, хотел — то да, было. Важно усилие прилагать.

Баловни судьбы

с третьего захода

— Творческие неудачи были?

С.: Мы не такие уж баловни судьбы...

В.: Ко мне, допустим, сразу ничего не приходит! Я об этом знаю — и спокойно делаю свое дело. Не получилось с первого раза — получится с третьего.

— Как насчет перманентного тусовочного расслабона?

В.: (С пионерской честностью.) Никогда! Вот только позавчера — и все. А вообще касательно мифа о современном художнике-наркомане и пьянице, то во-первых...

С.: Во-первых, это немножко устарело...

В.: ... а во-вторых, мы в этом плане скромные «среднячки».

— На что тратите эмоции?

В.: Не знаю. Я по натуре созерцатель, у меня эмоции где-то очень далеко запрятаны.

С.: (Флегматично.) Ну, иногда у него бывает взрывы... А я сам с собой все переживаю и наружу ничего не выношу. Никогда. Кто-то может носить-носить в себе всю эту муть, а потом взять — и выпеснуть ушат на ближнего. Это не про меня.

В.: Ага, видимо, про меня.

— Вы друг в друга случайно не смотрите как в зеркало?

В.: Боже упаси! Тоже мне зеркало!